

УДК 314.7(470.1/.2+571)
DOI 10.19110/1994-5655-2018-4-111-121

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ЧИСЛЕННОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЮ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ СТРУКТУР НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА

В.В. ФАУЗЕР, Т.С. ЛЫТКИНА, Г.Н. ФАУЗЕР, А.В. СМИРНОВ

*Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар*
fauzer.viktor@yandex.ru, <http://vvfauzer.ru>; tlytkina@yandex.ru;
gfauzer@iespn.komisc.ru; av.smirnov.ru@gmail.com

Рассматриваются теоретические подходы к определению миграции населения, ее функций, факторов и причин миграционной подвижности населения. Анализируется динамика численности населения Российского Севера, оценивается вклад каждой компоненты в рост/убыль населения. Особое внимание уделяется динамике численности населения, расселению и этнической структуре коренных народов Севера. Раскрывается влияние миграции на трансформацию социально-демографических структур населения Российского Севера. Сделан вывод, что миграции сдерживают постарение населения, но ухудшают его качество.

Ключевые слова: Север России, миграция населения, факторы, причины, функции, социально-демографические структуры

V.V. FAUZER, T.S. LYTKINA, G.N. FAUZER, A.V. SMIRNOV. THE IMPACT OF MIGRATION ON THE NUMBER AND TRANSFORMATION OF SOCIO-DEMOGRAPHIC STRUCTURES OF THE POPULATION IN THE RUSSIAN NORTH

The purpose of the paper is to comprehend the basic theoretical positions of population migration, to reveal the features of migration processes in the new historical period, the period of transformation of socio – economic processes in the Russian North. The object of the study is 13 subjects of the Russian Federation, which territories fully belong to the regions of the Far North and equated areas. The materials of population censuses from 1939 to 2010 and the current accounting data of the Russian Federal State Statistics Service for 1989-2018 formed the information base of the study.

The paper deals with theoretical approaches to the definition of "migration", its functions, factors and causes of migration mobility of the population. The dynamics of the population of the Russian North is analyzed, the contribution of each component to the growth/decline of the population is estimated. The study focuses on the population dynamics, settling and ethnic structure of the indigenous peoples of the North. The massive outflow of the Russian-speaking population and age-related migration to the ethnic homeland of the indigenous peoples of the North contributed to the fact that their main part began to live in the national republics and autonomous districts. However, the policy of extensive settlement of Northern territories has not passed without a trace. If until the XX century the indigenous population constituted an absolute and relative majority, then in the XX-XXI centuries their share is insignificant.

The impact of migration on the transformation of socio-demographic structure of the population of the Russian North is revealed. It is concluded that migration inhibits the aging of the population, but worsens its quality. The Northern territories have recently received less qualified personnel, and give more educated people.

Keyword: the Russian North, population migration, factors, causes, functions, socio-demographic structures

Введение

Миграции всегда были присущи человеку. В поисках пищи, новых пастбищ и лесных угодий, выбора лучшей среды обитания он кочевал по планете Земля, заселяя и осваивая все новые и новые

территории. Потребность в перемене места жительства и познания новых миров сопровождали человека во все времена. Для каждого исторического периода были свои факторы и причины, побуждавшие его мигрировать. Первым природным фактором, вызвавшим миграции в планетарном

масштабе, был Ледниковый период [1]. Затем многочисленные войны, засухи, эпидемии приводили к массовым перемещениям миллионов людей. С XIX в. на миграции населения начинают оказывать все большее влияние экономические факторы, а со второй половины XX в. и начала XXI в. на первый план выходят личностные мотивы, стремление человека удовлетворить свои не только экономические, но и социально-психологические потребности.

Миграция населения занимает особое место среди социальных трансформаций XXI в. Она меняет рисунок расселения, вносит «возмущения» в социально-демографические структуры, создает или разрушает трудовой и демографический потенциал населения отдельных стран или целых континентов.

Для Севера России миграции всегда играли решающую роль в освоении территорий и формировании населения. Стоит подчеркнуть, что вплоть до 1990-х гг. они способствовали количественному росту населения, заселению и освоению новых территорий. С приходом рынка и распадом Союза ССР произошла трансформация направленности миграционных потоков – из фактора роста они стали фактором убыли населения. На первый план вышли задачи изучения факторов и причин – почему население в массовом порядке покидает Север. Не все однозначно и в теоретическом плане [2]. Ученые различных направлений и школ вносят свое понимание в этот процесс.

В этой связи в статье ставится цель – обобщить основные теоретические положения миграции населения, раскрыть особенности миграционных процессов в новый исторический период, период трансформации социально-экономических процессов на Российском Севере.

Объект исследования – 13 регионов, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям (Российский Север).

Предмет исследования – трансформация миграционных процессов на Российском Севере.

Информационной базой послужили материалы переписей населения с 1939 г. по 2010 г. и данные текущего учета Росстата за 1989–2018 гг.

Сущность и понятие «миграция населения»

В течение нескольких столетий развитие научных взглядов на миграцию происходило в рамках тех или иных научных подходов: экономического, географического, исторического, демографического, системного, политического и др. Выбор подхода зависел от тех задач, которые стояли перед исследователем, и от характера исходного материала [3, с. 18].

Один из первых теоретиков глубоких исследований в области миграции – англичанин Э.Г. Равенштейн (1885) – определил миграцию как постоянное или временное изменение места жительства человека, как непрерывный процесс, обусловленный взаимодействием четырех основных групп факторов: 1) действующих в начальном месте (стране) жительства мигранта; 2) действующих на стадии

перемещения мигранта; 3) действующих в месте (стране) въезда мигранта; 4) факторов личного характера, под которыми понимается, прежде всего, система предпочтений личности, вся совокупность ее демографических характеристик и т.п.

Им же были сформулированы 11 миграционных законов, ставших определяющими для многих теорий в области миграции: 1) больше всего миграций осуществляется на близкие расстояния; 2) миграция происходит постепенно, шаг за шагом; 3) миграции на большие расстояния направляются в основном в крупные торговые или промышленные центры; 4) каждому миграционному потоку соответствует свой контрпоток; 5) городские жители менее подвижны в миграционном плане, нежели население в сельских районах; 6) во внутренних миграциях более активны женщины, в международной миграции – мужчины; 7) большинство мигрантов представляют взрослое население, семьи редко мигрируют за пределы своей страны; 8) рост крупных городов в большей степени обусловлен миграцией населения, нежели естественным в них приростом; 9) масштабы миграции возрастают с развитием промышленности и торговли и, особенно, транспорта; 10) большинство мигрантов из сельской местности направляются в крупные промышленные и торговые центры; 11) экономические причины миграции являются определяющими [4, р. 167–227].

Не потеряло своей актуальности изучение миграции населения и в настоящее время, поскольку она занимает особое место среди социальных трансформаций современного мира. Миграционные процессы являются на сегодняшний день одними из главных причин и факторов социальных изменений как в обществах-донорах, так и в обществах-реципиентах мигрантов [5, с. 13].

Существуют, по крайней мере, две точки зрения на миграцию населения. Сторонники первой к миграции относят все территориальные перемещения, сторонники второй включают и социальные.

Придерживаясь первой точки зрения, к территориальным перемещениям можно отнести: 1) все многообразие пространственного движения населения, независимо от его характера и целей; 2) пространственные перемещения, совершающиеся между населенными пунктами, которые ведут к постоянной или временной смене места жительства; 3) процесс пространственного движения населения, который, в конечном счете, ведет к его территориальному перераспределению.

Если исходить из того, что перемещение и переселение не синонимы, – миграцию можно определить в узком и широком смысле слова. В узком – миграция представляет собой законченный вид территориального перемещения, завершающийся сменой постоянной места жительства, что в буквальном смысле слова означает переселение. В широком значении миграция – это любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности. Трудовые миграции

являются определяющими в общей совокупности территориальных перемещений; переселения – это конечный, законченный вид миграции.

В 1980-х гг. была сформулирована концепция, согласно которой миграция населения как сложный социально-экономический процесс состоит из трех стадий: 1) исходной, или подготовительной, представляющей процесс формирования территориальной подвижности населения; 2) основной стадии, или собственно переселения населения; 3) заключительной, или завершающейся, стадии, выступающей как приживаемость мигрантов на новом месте [6, с. 21–22, 26, 34].

Два десятилетия спустя эта связь / зависимость была уточнена, а три стадии миграционного процесса изложены в иной редакции – стремлении индивида улучшить свое материальное положение, удовлетворить возрастающие потребности. Исходя из этого, миграция определяется как естественное проявление мобильности человека, мотивированное его стремлением к улучшению условий своего существования, к более полному и надежному удовлетворению своих потребностей. При этом значительную роль играют уровень притязаний индивида и его изначальная способность вообще быть удовлетворенным чем-либо. Миграцию населения определяют как пространственную активность (перемещение) индивида, направленную на овладение ресурсами новых территорий и связанную с переменой места жительства. Последнее важно, так как материальные блага можно обрести и посредством иных видов мобильности. Таким образом, у миграции как общественного явления есть три параметра: 1) перемена индивидом координат своего пребывания (фактор мобильности); 2) намерение индивида улучшить свое материальное и (или) социальное положение (фактор потребностей); 3) стремление индивида обжиться на новом месте и считать его своей «второй родиной» (фактор стабильности) [7, с. 38–39].

Миграция населения воздействует на общественное развитие посредством осуществления своих функций. Функции – это те конкретные роли, которые играют миграции населения в жизнедеятельности общества. Выделяют три функции миграции населения. Первой функцией является перераспределение населения, связанное с размещением производительных сил, распределением производственных мощностей и инвестиций между отдельными территориями страны. Вторая функция миграции – селективная. Суть ее в том, что неравномерное участие в миграции различных социально-демографических групп ведет к изменению качественного состава населения разных территорий. Третья функция – ускорительная. Территориальные перемещения способствуют изменению социально-психологических характеристик людей, расширению их кругозора, накоплению знаний о различных областях жизни, обмену трудовыми навыками и производственным опытом, развитию личности, ее материальных, социальных и духовных потребностей, интеграции национальных культур [8, с. 29–31].

Исследуя миграционную подвижность населения, необходимо рассмотреть ее факторы и причины. Одним из первых понятие «фактор миграции» наиболее полно определил Л.Л. Рыбаковский [6], взяв за основу три термина, характеризующих три определенных явления: 1) вся окружающая нас среда (естественная и социальная) может быть объединена одним понятием – условия жизни; 2) среди них он выделяет условия, которые воздействуют на тот или иной процесс, и назвал их *факторами*; 3) наконец, то, что вызывает конкретное действие, есть *причина*. Получается трехчленная схема: условия – факторы – причины.

В свою очередь все факторы могут быть разбиты на три группы. К первой – относятся факторы, состоящие из таких компонентов условий жизни, которые либо невозможно изменить, либо, если и можно, то в течение очень длительного времени или с огромными затратами средств. Обычно второе и третье условия совпадают. Это характерно для природных условий, географического положения. Вторая группа включает факторы, которые могут быть изменены постепенно, в течение 10–15 лет. Третья группа – это факторы оперативного регулирования. Они могут меняться в течение одного-нескольких лет [6, с. 134, 144].

Заслуживает внимания подход к классификации факторов миграции, предложенный американскими исследователями Ф. Мартин и Дж. Уайдгрэн. Они выделяют три разновидности факторов в зависимости от типа миграции: притягивающие факторы, отталкивающие и факторы сети [9, р. 8].

Проводится различие между понятиями «фактор» и «причина» и в отечественной «социологии миграции». Факторы представляют собой объективные условия жизни, побуждающие человека мигрировать, а причины являются результатом субъективной оценки личностью данных условий. Эти две составляющие, а также третья – личностные психологические характеристики потенциального мигранта – являются неотъемлемой частью миграционного процесса, а точнее начальной его стадии – формирования территориальной подвижности населения [5, с. 38].

Что касается причин миграции, то они исследуются на макро- и микроуровнях. На макроуровне изучаются на основе характеристик районов выхода и входа мигрантов. На этом уровне анализируются объем, интенсивность, направления миграционных потоков, их результативность. Задача изучения причин миграции на макроуровне состоит в том, чтобы оценить влияние различных причин – урбанизации, территориальной дифференциации и концентрации экономического роста. На макроуровне анализируется влияние территориальной дифференциации заработной платы, безработицы, стоимости жилья и услуг, климатических и экологических условий и др. [10, с. 166]. Как правило, причины миграции изучаются с помощью анкетного опроса населения.

Миграция – определяющий фактор формирования и расселения населения Севера России

Из 17,1 млн. км² площади страны на территории, полностью относимые к Крайнему Северу и местности, приравненные к нему, приходится 7,6 млн. км², или 44,5%. На 1 января 2018 г. численность населения Российского Севера составила 9 млн. 920,9 тыс. чел., или 6,75% населения России. В регионах, территории которых полностью относятся к району Крайнего Севера и приравненным к ним местностям, – 7 млн. 850,8 тыс. чел., или 5,35% населения страны. Основная часть населения Севера проживает в субъектах, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненным к ним местностям (79,13% от численности населения Севера). Два региона имеют численность свыше 1 млн. чел.: Архангельская обл. – 1 млн. 155,0 тыс. и Ханты-Мансийский АО – 1 млн. 655,1 тыс. Два субъекта – до 50 тыс.: Ненецкий АО – 44,0 тыс. и Чукотский АО – 49,4 тыс. чел. Численность жителей Азиатского Севера (4 млн. 478,9 тыс.) превосходит население Европейского Севера (3 млн. 371,9 тыс.) на 1 млн. 107 тыс. чел. Российский Север высоко урбанизирован, на сельское население приходится 1 млн. 488,4 тыс. (19,0%), а на городское – 6 млн. 362,4 тыс. чел. (81,0%, в целом по России – 74,4%).

14 городов имеют численность населения свыше 100 тыс.: Сургут – 366,2, Архангельск – 349,7, Якутск – 311,8, Мурманск – 295,4, Петрозаводск – 279,2, Нижневартовск – 275,4, Сыктывкар – 245,1, Южно-Сахалинск – 199,0, Северодвинск – 183,3, Петропавловск-Камчатский – 181,2, Нефтеюганск – 127,0, Кызыл – 117,0, Новый Уренгой – 114,8 и Ноябрьск – 106,9 тыс. чел.

На Севере России расположено восемь национально-территориальных образований: республики – Карелия, Коми, Саха (Якутия), Тыва и автономные округа – Ненецкий, Ханты-Мансийский (Югра), Чукотский и Ямало-Ненецкий. В них проживают титульные этносы: карелы, коми, манси, ненцы, тувинцы, ханты, чукчи и якуты.

Последнее десятилетие XX в. стало переломным в политической и экономической системе России [11]. Это обстоятельство не могло не коснуться и миграционных настроений северян. С 1989 г. по 2018 г. численность населения северных регионов уменьшилась с 9 млн. 692,9 тыс. до 7 млн. 850,8 тыс., или на 1 млн. 842,1 тыс. чел., в том числе в национальных регионах она снизилась с 5 млн. 438,7 тыс. до 5 млн. 36,4 тыс., или на 402,3 тыс. чел. Сокращение коснулось как городского, так и сельского населения. В 10 регионах из 13 произошло уменьшение численности населения, и только в трех – рост. К числу преуспевающих регионов в демографической динамике относятся: Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, Республика Тыва (табл. 1).

Динамика численности и расселение коренных народов Российского Севера

Наибольшим трансформациям подверглись этнические структуры коренных народов Севера (КНС). Если до XX в. колонизация окраинных территорий не так заметно сказывалась на аборигенном населении, то масштабное привлечение населения на Север страны с 1930-х гг. как добровольно, так и принудительно [12, 13] внесло изменение в этнические структуры осваиваемых/заселяемых территорий [14, с. 3; 15].

В 1939 г. общая численность коренных этносов северных национальных регионов составляла

Таблица 1

Численность населения Российского Севера, переписи населения 1989 г. и 2002 г., текущие данные на начало 2018 г., тыс. чел.

Table 1

Population of the Russian North, population censuses of 1989 and 2002, current data at the beginning of 2018, thousands of people

Регион	1989 г.			2002 г.			2018 г.		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Север России	9692,9	7654,6	2038,3	8300,6	6588,3	1712,3	7850,8	6362,4	1488,4
В том числе в национальных образованиях	5438,7	4169,4	1269,3	5024,9	3858,1	1166,8	5036,4	4010,6	1025,8
Европейский Север	4775,3	3810,5	964,8	3964,0	3126,8	837,2	3371,9	2754,1	617,8
Республика Карелия	790,2	643,5	146,7	716,3	537,4	178,9	622,5	500,6	121,9
Республика Коми	1250,8	944,4	306,4	1018,7	766,6	252,1	840,9	656,8	184,1
Архангельская область	1569,7	1151,6	418,1	1336,5	999,6	336,9	1155,0	900,9	254,1
Ненецкий АО	53,9	34,3	19,6	41,5	26,2	15,3	44,0	32,1	11,9
Мурманская область	1164,6	1071,0	93,6	892,5	823,2	69,3	753,5	695,8	57,7
Азиатский Север	4917,6	3844,1	1073,5	4336,6	3461,5	875,1	4478,9	3608,3	870,7
Республика Саха (Якутия)	1094,1	732,0	362,1	949,3	610,0	339,3	964,3	632,8	331,5
Республика Тыва	308,6	144,3	164,3	305,5	157,3	148,2	321,7	173,8	147,9
Камчатский край	471,9	384,4	87,5	358,8	290,8	68,0	315,6	246,8	68,7
Магаданская область	391,7	328,3	63,4	182,7	168,7	14,0	144,1	138,2	5,9
Сахалинская область	710,2	584,2	126,0	546,7	474,1	72,6	490,2	402,1	88,1
Ханты-Мансийский АО – Югра	1282,4	1166,3	116,1	1432,8	1301,9	130,9	1655,1	1528,3	126,8
Ямало-Ненецкий АО	494,8	385,6	109,2	507,0	422,8	84,2	538,5	451,4	87,1
Чукотский АО	163,9	119,0	44,9	53,8	35,9	17,9	49,4	34,8	14,6

970 тыс. 999 чел., к 2010 г. она возросла до 1 млн. 134 тыс. 829 чел., прирост составил 163 тыс. 830 чел., или 16,9%. В разрезе отдельных этносов можно отметить следующее. С 1939 г. по 2010 г. численность лиц титульных этносов уменьшилась в республиках Карелия и Коми на 63 001 и 28 953 чел. соответственно. В остальных национальных образованиях наблюдался рост численности: в Республике Саха (Якутия) – на 233 219 чел. (в 2,0 раза), в Республике Тыва – на 151 303 чел. (в 2,5 раза), в Ямало-Ненецком АО – на 16 318 чел. (в 2,2 раза), в Ханты-Мансийском АО – ханты на 6 830 (в 1,6 раза) и манси – на 5 209 (в 1,9 раза), в Ненецком АО – на 1 902 (134,0%), в Чукотском АО – на 661 чел. (105,5%) (табл. 2).

В 1939 г. в этнических образованиях проживало 622 тыс. 318 чел., или 64,1% от их общей численности по стране. Наметившийся отток русскоязычного населения, возвратные миграции коренных народов привели к тому, что к 2010 г. в этнических образованиях стало проживать 1 млн. 43 тыс.

802 чел., или 92,0% от их общей численности [16, с. 35–36]. Как видим, за прошедшие 72 года коренные этносы стали жить компактнее, что свидетельствует как о патриотических чувствах – желании жить на своей этнической родине, так и социальном исключении, когда возможности за пределами своих сообществ стали недоступнее [17].

По данным переписи населения 2010 г., наиболее сконцентрировано проживают: в Республике Саха (Якутия) – якуты – 97,6%, в Республике Тыва – тувинцы – 94,5%, в Республике Коми – коми – 88,7%, в Чукотском АО – чукчи – 80,3% (от их численности в населении России). Если взять численность хантов, проживающих в двух национальных округах, то их доля составит уже 92,3%, аналогично и с ненцами, тогда их доля на этнической родине КНС составит 83,5%. Существенно увеличили свое представительство карелы – с 43,5 до 74,9% (табл. 3).

Миграции не только способствовали расселению коренных народов среди других этносов, но и внесли существенные изменения в этнические

Таблица 2

Численность титульных этносов национальных образований Российского Севера, по данным переписей населения 1939–2010 гг., чел.

Table 2

The number of titular ethnic groups of national formations of the Russian North according to population censuses of 1939–2010, people

Регион	Титульный этнос	Год						
		1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Республика Карелия	карелы	108571	85473	84168	81248	78928	65651	45570
Республика Коми	коми	231301	245357	276178	280798	291542	256464	202348
Республика Саха (Якутия)	якуты	233273	226053	285749	313917	365236	432290	466492
Республика Тыва	тувинцы	-	97996	135306	161888	198448	235313	249299
Ненецкий АО	ненцы	5602	4957	5851	6031	6423	7754	7504
Ханты-Мансийский АО	манси	5768	5644	6684	6156	6562	9894	10977
	ханты	12238	11435	12222	11219	11892	17128	19068
Чукотский АО	чукчи	12111	9975	11001	11292	11914	12622	12772
Ямало-Ненецкий АО	ненцы	13454	13977	17538	17404	20917	26435	29772
Всего – по титульным этносам		622318	700867	834697	889953	991862	1063551	1043802

Таблица 3

Доля титульных этносов, проживающих на территории национальных образований Российского Севера, от их общей численности в населении России, по данным переписей населения 1939–2010 гг., %

Table 3

The share of titular ethnic groups living in the territory of national formations of the Russian North, of their total number in the population of Russia, according to the censuses of 1939–2010, %

Регион	Титульный этнос	Год						
		1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Республика Карелия	карелы	43,5	52,1	59,6	61,0	63,2	70,3	74,9
Республика Коми	коми	55,7	86,8	87,6	87,7	86,7	87,4	88,7
Республика Саха (Якутия)	якуты	96,4	95,7	96,8	96,1	96,1	97,4	97,6
Республика Тыва*	тувинцы	-	98,1	97,3	97,9	96,3	96,7	94,5
Ненецкий АО	ненцы	22,7	21,7	20,5	20,5	18,8	18,8	16,8
Ханты-Мансийский АО	манси	91,6	89,3	87,8	82,8	79,3	86,5	89,5
	ненцы	3,4	3,6	3,3	3,4	3,3	3,1	3,2
	ханты	66,3	59,4	58,2	54,1	53,4	59,7	61,6
Чукотский АО	чукчи	87,6	85,4	81,5	81,0	78,9	80,1	80,3
Ямало-Ненецкий АО	ненцы	54,4	61,2	61,6	59,0	61,2	64,0	66,7
	ханты	29,1	28,7	31,0	31,2	32,5	30,5	30,7

* Республика Тыва вошла в состав Союза ССР 17 августа 1944 г.

* The Republic of Tuva became part of the USSR on August 17, 1944.

структуры населения национально-территориальных образований. В результате чего КНС из большинства стали меньшинством в своих округах и республиках.

Можно выделить три группы этносов по трансформации этнической структуры. В первую группу вошли Республика Тыва и Ненецкий АО, увеличившие свое представительство. Вторая группа – республики Карелия и Коми, снизившие свою долю. Третью группу составили Республика Саха (Якутия), Ханты-Мансийский, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО. В них доля коренных этносов в национальной структуре до 1989 г. уменьшалась, а затем последовал рост, особенно у чукчей (табл. 4).

выделенных периодов естественный прирост (ЕП) был положительным, что обеспечило общий ЕП в 309,9 тыс. чел., или в среднем 11,5 тыс. в год. Миграции, наоборот, уменьшали численность населения Севера России. За 1991–2017 гг. механическая убыль составила 2 млн. 176,9 тыс. чел. Но это в целом по Северу. Если рассмотреть тренды отдельно по азиатской и европейской части, то динамика будет у них различаться. На Европейском Севере и естественный, и механический приросты имели все годы отрицательную величину. При этом если в естественном приросте нет определенного тренда, то в механической убыли он четко прослеживается – идет постоянное снижение среднегодовой убыли

Таблица 4

Доля титульных этносов в национальных регионах Российского Севера, по данным переписей населения 1939–2010 гг., %

Table 4

The share of titular ethnic groups in the national regions of the Russian North according to population censuses of 1939–2010, %

Регион	Год образования	Титульный этнос	Год						
			1939	1959	1970	1979	1989	2002*	2010*
Республика Карелия	1920	карелы	23,2	13,1	11,8	11,1	10,0	9,2	7,4
Республика Коми	1921	коми	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,3	23,7
Республика Саха (Якутия)	1922	якуты	56,3	46,4	43,0	36,9	33,4	45,7	49,9
Республика Тыва	1944	тувинцы	-	57,0	58,6	60,5	64,3	77,0	82,0
Ненецкий АО	1929	ненцы	11,8	10,9	15,0	12,8	11,9	19,0	18,6
Ханты-Мансийский АО	1930	манси	6,2	5,0	2,5	1,1	0,5	0,7	0,8
		ханты	13,1	9,0	4,5	1,9	0,9	1,2	1,3
Чукотский АО	1930	чукчи	56,3	21,4	10,9	8,1	7,3	24,0	26,7
Ямало-Ненецкий АО	1930	ненцы	29,3	22,4	22,0	11,0	4,2	5,3	5,9

* В процентах к численности лиц, указавших национальную принадлежность.

* as a percentage of the number of persons indicating nationality.

Результативность миграционного обмена северных регионов России

В формировании населения северных территорий до начала 1990-х гг. исключительно важную роль играли миграции. В настоящее время их влияние также существенно, но уже в другом аспекте. Если в период экстенсивного освоения Севера миграции способствовали росту населения, то сегодня они, наоборот, «съедают» значительную часть населения северных территорий [18, с. 142–143]. Что касается естественного прироста, то он, в отличие от миграций, в отдельных регионах Севера стал иметь положительную динамику [19].

По России в целом и ее северным регионам наблюдается разнонаправленная динамика. В России уже четверть века идет миграционный прирост населения и скорее всего он сохранится в ближайшие годы, поскольку демографический потенциал ближнего зарубежья еще до конца не исчерпан [20]. За 1991–2017 гг. механический прирост в России составил 9 млн. 557,3 тыс. чел., но естественная убыль была значительно больше – 13 млн. 301 тыс., что дало отрицательный прирост населения – 3 млн. 743,7 тыс. чел.

На Севере России демографическая динамика и результативность миграционного обмена отличаются от российских трендов. В четырех из шести

населения с 65,6 в 1991–1995 гг. до 20,9 тыс. чел. в 2016–2017 гг.

Азиатский Север благодаря автономным округам, где экономика ориентирована на нефтегазовый сектор, имел положительное воспроизводство населения и ниспадающую миграционную убыль населения. Так, если в 1991–1995 гг. среднегодовая миграционная убыль по Азиатскому Северу составляла 112,0, то в 2016–2017 гг. – 10,0 тыс. чел. Это обеспечило Азиатскому Северу с 2001 г. общий прирост населения (табл. 5).

В целом, можно отметить, что с 1991 по 2017 г. Россия имела среднегодовой механический прирост в 354,0 тыс. чел. В этот же период Север России терял в год 80,6 тыс. чел, в том числе Европейский – 41,0 и Азиатский Север – 39,6 тыс. чел.

Влияние миграции на половозрастную структуру и образовательный уровень населения Севера России

Миграции, помимо прямого влияния на численность населения, выполняют селективную функцию как в местах вселения мигрантов, так и в местах их исхода. Кроме этнической, это относится к возрастной и половой структурам. Если посмотреть в статике, то можно отметить, что на Севере выше

Таблица 5

Прирост (убыль) населения Российского Севера за 1991–2017 гг., чел.

Table 5

Increase (decrease) of the population of the Russian North for 1991–2017, people

Регионы	Период	Прирост (убыль)			Среднегодовой прирост (убыль)	
		общий	естественный	механический	естественный	механический
Российская Федерация*	1991–1995	17892	-2599396	2617288	-519879	523458
	1996–2000	-1988027	-4127058	2139031	-825412	427806
	2001–2005	-3067029	-4406566	1339537	-881313	267907
	2006–2010	-371149	-2007821	1636672	-401564	327334
	2011–2015	1355908	-36159	1392067	-7232	278414
	2016–2017	308690	-124016	432706	-62008	216353
	1991–2017	-3743715	-13301016	9557301	-492630	353974
Север России	1991–1995	-831771	56634	-888405	11327	-177681
	1996–2000	-499390	-24132	-475258	-4826	-95052
	2001–2005	-303318	-33950	-269368	-6790	-53874
	2006–2010	-168742	82960	-251702	16592	-50340
	2011–2015	-55428	174891	-230319	34978	-46064
	2016–2017	-8261	53538	-61799	26769	-30900
	1991–2017	-1866910	309941	-2176851	11479	-80624
Европейский Север	1991–1995	-379853	-51645	-328208	-10329	-65642
	1996–2000	-345550	-86151	-259399	-17230	-51880
	2001–2005	-303426	-110443	-192983	-22088	-38597
	2006–2010	-199506	-46013	-153493	-9203	-30698
	2011–2015	-137797	-5738	-132059	-1148	-26412
	2016–2017	-51015	-9212	-41803	-4606	-20902
	1991–2017	-1417147	-309202	-1107945	-11452	-41035
Азиатский Север	1991–1995	-451918	108279	-560197	21656	-112039
	1996–2000	-153840	62019	-215859	12404	-43172
	2001–2005	108	76493	-76385	15298	-15277
	2006–2010	30764	128973	-98209	25795	-19642
	2011–2015	82369	180629	-98260	36126	-19652
	2016–2017	42754	62750	-19996	31375	-9998
	1991–2017	-449763	619143	-1068906	22931	-39589

*Без учета Республики Крым и г. Севастополь.

* Excluding the Republic of Crimea and Sevastopol.

доля детей и лиц в трудоспособном возрасте, но ниже доля лиц старших возрастов. Это преимущество особенно заметно на Азиатском Севере, на Европейском Севере оно постепенно сводится на нет. Рассматривая возрастную структуру в динамике, видно, что идет увеличение доли детей и лиц старших возрастов за счет уменьшения трудоспособной части. Также можно отметить, что возрастная структура населения Европейского Севера близка к российской, что свидетельствует о завершении

ности здесь процесса формирования населения (табл. 6) [21, с. 4].

Анализируя возрастную структуру в разрезе регионов Севера можно отметить следующее. Во-первых, в северных регионах выше доля лиц моложе трудоспособного возраста – 21,5% (РФ – 18,3%). Здесь можно выделить Республику Тыва – 34,4, Республику Саха (Якутия) – 24,8 и Ненецкий АО – 24,6%. Во-вторых, выделяются повышенной долей трудоспособных – 59,1% (РФ – 56,7%). Особенно

Таблица 6

Распределение населения по возрастным группам в общей численности населения Российского Севера в 2005, 2010 и 2017 гг., %

Table 6

Population distribution by age groups in the total population of the Russian North in 2005, 2010 and 2017, %

Год	Население в возрасте	Российская Федерация	Север России	Европейский Север	Азиатский Север
2005	моложе трудоспособного	16,9	19,6	17,1	21,8
	трудоспособном	62,7	67,5	66,1	68,7
	старше трудоспособного	20,4	12,9	16,8	9,5
2010	моложе трудоспособного	16,2	19,0	16,6	21,1
	трудоспособном	62,0	65,6	63,8	67,0
	старше трудоспособного	21,8	15,4	19,6	11,9
2017	моложе трудоспособного	18,3	21,5	19,0	23,5
	трудоспособном	56,7	59,1	56,9	60,6
	старше трудоспособного	25,0	19,4	24,1	15,9

высока она в Ямало-Ненецком, Чукотском – 63,2 и Ханты-Мансийском АО – 62,2%. В-третьих, на Севере ниже российского уровня доля лиц старших возрастов – 19,4% (РФ – 25,0%). Только в Республике Карелия (26,6%) и Архангельской обл. (25,8%) она выше российского уровня. Меньше всего пожилых людей в Ямало-Ненецком АО – 10,8, Республике Тыва – 11,1, Чукотском АО – 13,9, Ханты-Мансийском АО – 14,8 и Республике Саха (Якутия) – 16,4%.

Наряду с негативным влиянием на численность населения, миграции в то же время способствовали поддержке на Севере более молодой возрастной структуры. Анализ миграционных потоков показывает, что в период с 2005 по 2017 г. среди прибывших шло увеличение доли молодых воз-

растов с 14,5 до 16,7%. В структуре выбывших увеличилась доля старших возрастов с 10,2 до 12,6%. Структура миграционной убыли по возрастным группам также показывает свое положительное влияние на возрастную структуру населения. Так, в миграционной убыли уменьшилась доля молодежи с 9,0 до 6,6% и возросла убыль лиц старших возрастов – с 22,4 до 41,1% (табл. 7).

В миграционных потоках, направленных на освоение новых территорий, удовлетворения социально-экономических потребностей, поиска престижной работы и получения образования, как правило, преобладают лица молодых возрастов и имеющих высокий уровень образования. В потоках вынужденного убытия все наоборот, преобладают

Таблица 7

Возрастной состав мигрантов Российского Севера в 2005, 2010 и 2017 гг., %

Table 7

Age composition of migrants of the Russian North in 2005, 2010 and 2017, %

Регионы	2005 г.			2010 г.			2017 г.		
	Мигранты в возрасте								
	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного	моложе трудоспособного	трудоспособном	старше трудоспособного
	Прибывшие								
Российская Федерация	13,8	73,8	12,4	13,5	74,9	11,6	18,1	71,5	10,4
Север России	14,5	78,0	7,5	15,4	77,2	7,4	16,7	73,5	9,8
Европейский Север	12,5	78,7	8,8	14,6	75,9	9,5	17,5	72,9	9,6
Азиатский Север	15,7	77,6	6,7	15,7	77,9	6,4	16,1	74,0	9,9
	Выбывшие								
Российская Федерация	13,8	74,2	12,0	13,8	74,4	11,8	18,2	71,2	10,6
Север России	13,5	76,3	10,2	12,8	74,9	12,3	15,8	71,6	12,6
Европейский Север	12,3	77,2	10,5	12,2	75,0	12,8	16,3	72,0	11,7
Азиатский Север	14,3	75,7	10,0	13,2	74,8	12,0	15,5	71,4	13,1
	Общий миграционный прирост (убыль)								
Российская Федерация	12,7	66,7	20,6	10,0	81,0	9,0	14,6	77,6	7,8
Север России	-9,0	-68,6	-22,4	-3,6	-66,5	-29,9	-6,6	-52,3	-41,1
Европейский Север	-11,7	-72,3	-16,0	-7,5	-73,2	-19,3	-8,6	-66,7	-24,7
Азиатский Север	-6,0	-64,7	-29,3	2,2	-56,7	-45,5	-2,6	-23,0	-74,4

Таблица 8

Сальдо миграции населения в возрасте 14 лет и старше по уровню образования, 2005 и 2017 гг., %

Table 8

Balance of migration of population aged 14 and older by level of education, 2005 and 2017, %

Уровень образования	Общий миграционный прирост, убыль (-)							
	Российская Федерация		Север России		Европейский Север		Азиатский Север	
	2005 г.	2017 г.	2005	2017	2005	2017	2005	2017
Всего имели образование	100,0	100,0	-100,0	-100,0	-100,0	-100,0	-100,0	-100,0
- высшее профессиональное (высшее)	18,0	26,2	-20,5	-53,3	-24,4	-45,9	-16,5	-64,6
- неполное высшее профессиональное	3,3	2,7	-5,2	-4,2	-3,4	-4,4	-7,0	-3,9
- среднее профессиональное (среднее специальное)	33,2	35,7	-31,7	-27,9	-34,2	-26,5	-29,2	-30,0
- начальное профессиональное	-	1,0	-	-1,0	-	-1,3	-	-0,6
- среднее общее (полное)	30,7	27,5	-39,2	-8,3	-27,7	-15,0	-50,8	1,9
- основное общее (среднее общее неполное)	11,6	5,2	-2,8	-4,3	-8,9	-5,4	3,3	-2,6
- начальное общее (начальное) и не имеющие образование	3,2	1,7	-0,6	-1,0	-1,4	-1,5	0,2	-0,2

старшие возраста, менее квалифицированные работники.

Сальдо миграции показывает, что северные территории получают в последнее время менее квалифицированные кадры, а отдают более образованные. В 2005 г. отрицательное сальдо миграции в обмене мигрантами, имеющими неполное и высшее образование, составляло 25,7%, то в 2017 г. – уже 57,5%, в том числе Европейский – 27,8 и 50,3%, Азиатский Север – 23,5 и 68,5% соответственно (поиск достойной работы и высокой зарплаты). В миграционном обмене незначительно возрос удельный вес лиц, имеющих основное и начальное общее, и не имеющих образования с 3,4 до 5,3% (политика переселений, отъезд пенсионеров). Одновременно меньше стало уезжать молодежи, имеющей среднее общее (полное) образование – с 39,2 до 8,3% (отток на учебу) и населения со средним и начальным профессиональным образованием – с 31,7 до 28,9% (табл. 8).

Заключение

С 1989 г. по 2018 г. численность населения северных регионов уменьшилась с 9 млн. 692,9 тыс. до 7 млн. 850,8 тыс., или на 1 млн. 842,1 тыс. чел., снизилась и доля северян в структуре населения России – с 6,59 до 5,35%. Этому в большей мере способствовал миграционный отток населения – из фактора роста миграция стала фактором убыли населения Российского Севера. С течением времени и улучшением экономической ситуации, стабилизацией политической ситуации в стране и регионах уменьшилась в разы миграционная убыль населения. Если в 1991–1995 гг. в среднем в год Север терял 177,7, то в 2016–2017 гг. – 30,9 тыс. чел. Учитывая дискуссии начала 1990-х гг. о неэффективности централизованной политики советского государства, о перенаселенности Севера, можно было бы предположить, что Север избавляется от излишнего населения. Однако, по мнению экспертов, Российский Север в настоящее время недонаселен постоянным населением – 57,5%, имеет оптимальную численность постоянного населения – 29,3%, перенаселен постоянным населением – 10,9% [22].

Массовый отток русскоязычного населения и возвратные миграции на этническую родину КНС способствовали тому, что их основная часть стала жить в национальных республиках и автономных округах. В пяти субъектах из восьми доля коренных народов, проживающих на этнической родине, от их общей численности в России, выше 80%. В Якутии доля якутов составляет 97,6%, а в Республике Тыва доля тувинцев – 94,5%. Политика экстенсивного заселения северных территорий не прошла бесследно. Если до XX в. коренное население составляло абсолютное и относительное большинство, то в XX–XXI вв. их доля незначительна. Так, доля манси и хантов в населении Ханты-Мансийском АО составляет всего 0,8 и 1,3% соответственно. Исключение составляют якуты и тувинцы, где доля коренного этноса самая высокая, соответственно 49,9 и 82,0% (2010 г.).

Миграции внесли «возмущения» во все социально-демографические структуры: выросла доля лиц моложе трудоспособного возраста, больше стало пожилых, но сократилась доля трудоспособной части. Качество населения подверглось образовательной «эрозии» – северные территории получают в последнее время менее квалифицированные кадры, а отдают более образованные.

Авторы выражают признательность Анне Гончаренко за помощь в подготовке рукописи к печати.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Трансформация демографических и миграционных процессов на Российском Севере в условиях глобальной нестабильности: социологическое измерение» (2016–2018, проект №16-03-00078).

Литература

1. *Жеребцов И.Л.* Изменение климата и демографическая история Европейского Севера // Российские и славянские исследования. 2010. Т. 5. С. 64–72.
2. *Фаузер В.В.* Теоретические и концептуальные подходы к развитию Севера России // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СГУ, 2008. № 4. С. 90–120.
3. *Ионцев В.А.* Классификация основных научных подходов в изучении миграции населения // Миграция населения. Вып. 1: Теория и практика исследования. М., 2001. С. 18–34.
4. *Ravenstein E.G.* The Laws of Migration // Journal of the Royal Statistical. 1885. Vol. 48. P. 167–227.
5. *Блинова М.С.* Современные социологические теории миграции населения: монография / Под ред. В.И. Добренкова. М.: КДУ, 2009. 160 с.
6. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 200 с.
7. *Бондырева С.К., Колесов Д.В.* Миграция (сущность и явление). М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2004. 296 с.
8. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения (вопросы теории). М., 2003. 240 с.
9. *Marin P., Widgren J.* International migration: facing the Challenges // Population bulletin. 2002. Vol. 52. № 1.
10. *Моисеенко В.М.* Внутренняя миграция населения. М.: «ТЕИС», 2004. 285 с.
11. *Север: проблемы периферийных территорий* / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар, 2007. 420 с. (Научный совет РАН по вопросам регионального развития; Коми научный центр УрО РАН).
12. *Лыткина Т.С., Фаузер В.В.* Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950-е гг. // Журн. социологии и социаль-

- ной антропологии. 2016. Т. XIX. №1 (84). С. 90–109.
13. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Государственное управление миграцией населения: от принуждения к поощрению // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СГУ. Сыктывкар, 2015. №3. С.151–168.
 14. Фаузер В.В. Финно-угорские народы: история демографического развития. Сыктывкар, 2005. 24 с.
 15. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы: монография / Под общ. ред. Н.К. Харламповой. Архангельск: САФУ, 2017. 324 с.
 16. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н. Миграционный фактор динамики численности и этнических структур населения Российского Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. №5 (56). С.32–43. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X-5-2017-56-32-43.
 17. Лыткина Т.С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2014. № 3(19). С. 144–151.
 18. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Миграционные процессы на Российском Севере // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. №1 (120). С. 141–149.
 19. Фаузер В.В. Население Российского Севера: проблемы воспроизводства // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. №3 (54). С. 121–133.
 20. Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И., Рыбаковский Л.Л. Миграционный потенциал России в новом зарубежье. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. 183 с.
 21. Фаузер В.В. Становление демографической науки и ее вклад в развитие Республики Коми // Вестник Коми НЦ УрО РАН. 2016. Вып. 31. С. 41–50.
 22. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / Отв. ред. д.э.н., профессор В.В. Фаузер. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. 240 с. (Б-ка демографа; вып. 17).
- References**
1. Zhrebtsov I.L. Izmenenie klimata i demograficheskaya istoriya evropejskogo Severa [Climate change and the demographic history of the European North] // Rossijskie i slavyanskije issledovaniya [Russian and Slavic studies]. 2010. Vol. 5. P. 64–72.
 2. Fauzer V.V. Teoreticheskie i konceptual'nye podhody k razvitiyu Severa Rossii [Theoretical and conceptual approaches to the development of the North of Russia] // Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ehkonomiki Severa [Corporate governance and innovative economic development of the North]: Bull. of Res. Center of Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State Univ., 2008. № 4. P. 90–120.
 3. Iontsev V.A. Klassifikaciya osnovnyh nauchnyh podhodov v izuchenii migracii naseleniya [Classification of basic scientific approaches in the study of population migration] // Migraciya naseleniya [Population migration]. Issue 1: Theory and practice of research. Moscow, 2001. P. 18–34.
 4. Ravenstein E.G. The Laws of Migration // J. of the Royal Statistical. 1885. Vol. 48. P. 167–227.
 5. Blinova M.S. Sovremennye sociologicheskie teorii migracii naseleniya [Modern sociological theories of population migration]: monograph / Ed. V.I. Dobren'kov. Moscow: KDU, 2009. 160 p.
 6. Rybakovsky L.L. Migraciya naseleniya: prognozy, faktory, politika [Population migration: forecasts, factors, policy]. Moscow: Nauka, 1987. 200 p.
 7. Bondyreva S.K., Kolesov D.V. Migraciya (sushchnost' i yavlenie) [Migration (essence and phenomenon)]. Moscow: Publishing House of Moscow psychological and social Inst., 2004. 296 p.
 8. Rybakovsky L.L. Migraciya naseleniya (voprosy teorii) [Migration of population (theory issues)]. Moscow, 2003. 240 p.
 9. Marin P., Widgren J. International migration: facing the Challenges // Population bulletin. 2002. Vol. 52. № 1.
 10. Moiseenko V.M. Vnutrennyaya migraciya naseleniya [Internal migration of the population]. Moscow: "TEIS", 2004. 285 p.
 11. Sever: problemy periferiynyh territoriy [The North: problems of peripheral territories] / Ed. V.N. Lazhentsev. Syktyvkar, 2007. 420 p.
 12. Lytkina T.S., Fauzer V.V. Gosudarstvennoe upravlenie prinuditel'noj migraciej kak sposob osvoeniya Severa Rossii v 1930-1950-e gg. [State management of forced migration as a way of development the North in 1930-1950] // J. of Sociology and Social Anthropology]. 2016. Vol. XIX. №1 (84). P. 90–109.
 13. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. Gosudarstvennoe upravlenie migraciej naseleniya: ot prinuzhdeniya k pooshchreniyu [Governance of migration: from coercion to encouragement] // Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ehkonomiki Severa [Corporate governance and innovative economic development of the North]: Bull. of Res. Center of Corporate Law, Management and Venture Capital of Syktyvkar State Univ., 2015. №3. P.151-168.
 14. Fauzer V.V. Finno-ugorskie narody: istoriya demograficheskogo razvitiya [Finno-Ugric peoples: the history of demographic development]. Syktyvkar, 2005. 24 p.
 15. Etnonacional'nye processy v Arktike: tendencii, problemy i perspektivy [Ethno-national pro-

- cesses in the Arctic: trends, problems and prospects]: monograph / Ed. N.K. Kharlam-pyeva. Arkhangelsk: SAFU, 2017. 324 p.
16. *Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N.* Migracionnyj faktor dinamiki chislennosti i ehtnicheskikh struktur naseleniya Rossijskogo Severa [Migratory factor of the population dynamics and ethnic structures in the Russian North] // Sever i rynek: formirovanie ehkonomiceskogo poryadka [The North and the market: formation of the economic order]. 2017. №5 (56). P. 32-43. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X-5-2017-56-32-43.
 17. *Lytkina T.S.* Man in the North after the disintegration of the USSR: from recognition to ignoring // Proc. of Komi Sci. Centre, Ural Br., RAS. 2014. No. 3. P. 144-151.
 18. *Fauzer V.V., Lytkina T.S.* Migracionnyye processy na rossijskom Severe [Migration processes in the Russian North] // Social'naya politika i sociologiya [Social policy and sociology]. 2017. Vol. 16. №1 (120). P. 141-149.
 19. *Fauzer V.V.* Naselenie Rossijskogo Severa: problemy vosproizvodstva [Population of the Russian North: reproductive problems] // Sever i rynek: formirovanie ehkonomiceskogo poryadka [The North and the market: formation of the economic order]. 2017. №3 (54). P. 121-133.
 20. *Grishanova A.G., Kozhevnikova N.I., Rybakovsky L.L.* Migracionnyj potencial Rossii v novom zarubezh'e [Migration potential of Russia in new foreign countries]. Moscow: "Econ-Inform" Publ., 2016. 183 p.
 21. *Fauzer V.V.* Formation of demographic science and its contribution to the development of the Komi Republic // Bull. of Komi Sci. Centre, Ural Br., RAS. 2016. Issue 31. P. 41-50.
 22. *Naselenie severnyh regionov: ot kolichestvennyh pokazatelej k kachestvennomu izmereniyu* [The population of the Northern regions: from quantitative indicators to qualitative measurement] / Ed. Dr.Sci. (Economy), Prof. V.V.Fauzer. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State Univ. Publ., 2016. 240 p. (Demographer's library; Issue 17).